

Михаилъ Васильевичъ Петровскій.

(Н Е К Р О Л О Г Ъ).

23 августа 1915 года скончался отъ паралича сердца, 49 лѣтъ, инспекторъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи, 5-го участка (Мологскій уѣздъ), потомственный дворянинъ, статскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Петровскій.

Покойный по своему происхожденію духовнаго званія: сынъ протоіерея Ярославской Николо-Тропинской церкви. Первоначальное образованіе получилъ въ Ярославскомъ духовномъ училищѣ, потомъ учился въ Ярославской духовной семинаріи; по окончаніи въ ней полного курса, какъ лучший студентъ, въ 1887 году, былъ посланъ на казенныя средства для продолженія образованія въ Петроградскую духовную академію, въ которой, по окончаніи курса по словесному отдѣнію, удостоенъ въ 1891 году степени кандидата богословія съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія. Въ томъ же году указомъ Св. Синода назначенъ былъ на должность помощника смотрителя Херсонскаго духовнаго училища. Но привязанный къ своему родному городу и къ родной семьѣ онъ не пожелалъ оставаться вдали отъ родины; онъ искалъ случая перейти на службу въ Ярославль. Его желаніе исполнилось скоро: въ 1892 году распоряженіемъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода онъ перемѣщенъ на должность преподавателя словесности и исторіи русской литературы въ Ярославскую духовную семинарію. Какъ препода-

ватель, онъ былъ добросовѣстнымъ работникомъ, прекраснымъ сослуживцемъ и гуманнымъ наставникомъ. Съ 1898 года по 1900 г., сверхъ уроковъ въ семинаріи, онъ давалъ уроки русскаго языка и русской словесности въ Екатерининской женской гимназіи.

Однако избранный имъ предметъ его не удовлетворялъ. Любившій всюду точность и опредѣленность, онъ, несмотря на свое богословско-философское образованіе, имѣлъ склонность къ точнымъ наукамъ—математикѣ и особенно физикѣ; у себя въ кабинетѣ онъ устраиваетъ нѣчто въ родѣ физической лабораторіи; здѣсь онъ самъ приготовляетъ физическіе приборы и производитъ опыты. При такой привязанности къ физико-математическимъ наукамъ, онъ охотно беретъ на себя уроки физики въ Ярославскомъ епархіальномъ училищѣ въ 1900 г. Эти уроки, можно сказать, предрѣшили его дальнѣйшія занятія: онъ весь отдается занятіямъ физикѣ, русская словесность его уже не стала занимать. А поэтому, когда въ 1901 г. въ Ярославской духовной семинаріи освободилась кафедра физико-математическимъ наукъ, онъ оставляетъ русскую словесность и переходитъ въ эту кафедру. Впрочемъ, въ семинаріи онъ оставался уже не долго. Какъ человекъ миролюбивый, желающій трудиться надъ своимъ любимымъ дѣломъ въ тихой и мирной обстановкѣ, онъ очень смущался тѣмъ беспокойнымъ, приподнятымъ настроеніемъ, которое стало замѣчаться у учащейся молодежи уже съ 1901 г., а къ 1903 г. принимало по временамъ и внѣшнія обнаруженія. Въ виду этого, онъ съ начала 1903—4 уч. г. оставляетъ семинарію и переходитъ на должность преподавателя физико-математическихъ наукъ въ Ярославское женское училище духовнаго вѣдомства. Состоя преподавателемъ физики въ двухъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, духовнаго вѣдомства и епархіальномъ, не подвергшихся бурному вліянію такъ называемаго освободительнаго движенія, М-ъ В-чъ всецѣло отдается своимъ любимымъ занятіямъ, и прилагаетъ большія усилія къ улучшенію условій преподаванія физики въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде всего онъ позаботился о созданіи въ нихъ достаточныхъ физическихъ кабинетовъ. Съ этою цѣлью онъ отыскиваетъ всеми путями средства на кабинеты: пишетъ доклады о необходимости новыхъ ассигновокъ на физическіе приборы, находитъ частныхъ жертвователей и самъ, своими силами—въ своей мастерской создаетъ нѣкоторые очень цѣнные приборы: и Епархіальное училище и училище духовнаго вѣдомства въ настоящее время имѣютъ въ своихъ кабинетахъ многіе солидные приборы—напр. большую электрическую батарею и нѣкоторые другіе

приборы (въ училищѣ духовнаго вѣдомства), приготовленные Михаиломъ Васильевичемъ въ его мастерской и съ значительными затратами изъ личныхъ средствъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаиль Васильевичъ Петровскій.

(некрологъ).

(Продолженіе).

Мирная и плодотворная дѣятельность Михаила Васильевича въ женскихъ духовныхъ училищахъ продолжалась до 1909 г. Въ это время пошли усиленные слухи о введеніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ новыхъ штатовъ, объ измѣненіи программъ учебныхъ предметовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о замѣнѣ преподавателей физико-математическихъ наукъ, не имѣвшихъ спеціальной университетской подготовки по этимъ предметамъ, специалистами. Мнительный, поддающійся вліянію слуховъ, Михаилъ Васильевичъ сталъ беспокоиться за свое положеніе, и рѣшилъ заблаговременно подыскать себѣ другое мѣсто. Не желая бросить педагогическаго дѣла, онъ рѣшилъ поступить въ инспекторы народныхъ училищъ, и поступилъ. Въ 1909 году попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, онъ, согласно прошенію, назначенъ былъ на должность инспектора народныхъ училищъ Ярославской губерніи 4-го участка въ Пошехонскій уѣздъ а въ 1912 году распоряженіемъ г. попечителя Московскаго Учебнаго Округа перемѣщенъ на такую же должность инспектора народныхъ училищъ въ 5-й участокъ въ г. Мологу, гдѣ и оставался до самой смерти.

Къ новой своей должности Михаилъ Васильевичъ отнесся съ обычною ему энергіею, внимательностью и добрыми намѣреніями. Въ этой его ревности и добросовѣстности, можетъ быть, и крылось зерно его болѣзни, которая такъ преждевременно свела его въ могилу. Прежде всего Михаилъ Васильевичъ здѣсь столкнулся съ громадной канцелярской работой: ему пришлось принимать, разрѣшать и отсылать массу бумагъ (болѣе 3000 №№ въ годъ однихъ исходящихъ, не считая циркулярныхъ распоряженій, рассылаемыхъ по всеѣмъ школамъ участка). Конечно, онъ имѣлъ у себя писмоводителя; но роль писмоводителя у него обычно сводилась только къ перепискѣ бумагъ и то подъ его непрестаннымъ присмотромъ: онъ самъ хотѣлъ все видѣть, все провѣрить. Эта канцелярская работа страшно давила его—и доводила положительно до изнеможенія. Много беспокойствъ и тревогъ вызывало у него и школьное строительство. До педантичности честный, онъ постоянно посѣщалъ все школьныя постройки, осматривалъ заготовленные матеріалы и работу, сличалъ смѣтныя цѣны съ рыночными и оч.

боялся, чтобы какъ н. и гдѣ-н. не перерасходовать и не выступить за предѣлы разрѣшеннымъ кредитомъ. Въ этомъ хлопотливомъ дѣлѣ, какъ и въ своей канцеляріи, онъ нерѣдко оставался одинъ, безъ помощниковъ, неся на себѣ и тревоги, и хлопоты, и рискъ отвѣтственности.—Указанныя дѣла поглощали, строго говоря, все время, безъ всякаго остатка: для выполнения ихъ приходилось ему работать по 10—15 часовъ въ сутки. Это обстоятельство было моральнымъ страданіемъ М-ла В-ча. Не дѣло само по себѣ его тяготило; онъ не боялся дѣла; онъ къ нему привыкъ съ дѣтства, и никогда не искалъ должности легкой. Нѣтъ. Какъ инспекторъ народныхъ училищъ, онъ центръ своей работы хотѣлъ сосредоточить на педагогической сторонѣ школъ, хотѣлъ быть руководителемъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія, хотѣлъ содѣйствовать лучшей постановкѣ школъ въ образовательномъ отношеніи. А времени на это главное у него и не хватало... Здѣсь испытывалъ нерѣдко мучительныя коллизіи: нужно бы ѣхать по школамъ или облудать и на практикѣ пресвѣрить тотъ или другой педагогическій вопросъ, а между тѣмъ пришли срочныя бумаги, по которымъ иногда нужно собирать архивныя справки, составлять статистическія вѣдомости и т. п. При своей добросовѣстности онъ не могъ кое-что откладывать въ сторону, подъ сукно или въ дальній ящикъ. Онъ хотѣлъ все сдѣлать и сдѣлать вовремя—въ срокъ. И вотъ онъ буквально изнываетъ въ этихъ тискахъ, отнимаетъ послѣднія минуты отъ своего необходимаго отдыха и даже сердится когда ему совѣтуютъ не переутомлять себя работой и хоть немножко отдохнуть. При непомѣрномъ напряженіи, онъ выкраивалъ, конечно, время и на посѣщеніе школъ.. Но эти разъѣзды по школамъ его не удовлетворяли морально и тяжело отзывались на его физическомъ здоровьи. Посѣщая школы, онъ всегда фактически убѣждался, что роль инспектора должна быть иная, чѣмъ какова она есть на самомъ дѣлѣ: онъ сознавалъ необходимость постоянного посѣщенія школъ, непрерывнаго руководства педагогическимъ дѣломъ; и потому многократно высказывалъ мысль, что нужно освободить инспектора отъ канцеляріи, предоставивъ ему одно педагогическое дѣло; тогда только онъ будетъ настоящимъ инспекторомъ, а не чиновникомъ—канцеляристомъ. Поэтому почти послѣ каждой поѣздки по школамъ онъ возвращался разстроеннымъ, морально неудовлетвореннымъ, съ подновленнымъ мучительнымъ сознаніемъ, что онъ не дѣлаетъ своего главнаго инспекторскаго дѣла и не можетъ даже дѣлать, за неимѣніемъ времени. Съ другой стороны, указанныя поѣздки тяжело отзывались и на его физическомъ здоровьи. Онъ при посѣщеніи школъ не выби-

ралъ времени, удобнаго для путешествія; не ждалъ хорошихъ дорогъ или хорошей погоды; онъ ѣхалъ всегда, когда у него высвобождалось время отъ его канцелярскихъ занятій; ѣхалъ въ грязь, и въ распутицу, ѣхалъ и въ дождь, и вьюгу, и нерѣдко пріѣзжалъ въ школу и промокцій и продрогцій. При томъ, всегда стѣснительный, опасавійся, чтобы кому-н. не причинить лишнихъ хлопотъ и издержекъ, онъ во время поѣздокъ по школамъ, продолжавшихся иногда по цѣлымъ недѣлямъ, обычно довольствовался сухоядніемъ, питался припасами, взятыми изъ дома, а спалъ въ правленскихъ избахъ—на полу или на лавкѣ. Все это не могло не отзываться на его здоровьи. Наконецъ, въ его инспекторской должности была еще тяжелая для него сторона. Какъ руководитель народныхъ училищъ, въ большинствѣ случаевъ содержимыхъ на средства земства, инспекторъ постоянно соприкасается съ земствомъ и участвуетъ во всѣхъ планахъ и распоряженіяхъ послѣдняго касательно народного образованія. Но постановленія земства не всегда сходятся съ распоряженіемъ Минист. Нар. Пр., происходятъ иногда разногласія. Въ центрѣ такихъ разногласій всегда оказывается инспекторъ народныхъ училищъ: на него, какъ представителя Министерства, изливаются неудовольствія земства; на немъ же, какъ на своемъ чиновникѣ, сказывается и неудовольство Министерства, если онъ пропуститъ какое-либо постановленіе земства, несогласное съ видами Министерства. Положеніе инспектора дѣйствительно тяжелое: въ какую бы сторону инспекторъ ни склонился, его ждуть неприятности. Если онъ разоидется съ земствомъ, онъ повредитъ и своимъ школамъ: земство будетъ отказывать имъ во многихъ насущныхъ потребностяхъ,—и себѣ: при такихъ конфликтахъ инспектора обычно переводятъ на другое мѣсто, какъ человѣка, не умѣвшаго уладить дѣло. Еще хуже, если онъ пойдетъ съ земствомъ и допуститъ постановленія, несогласныя въ томъ или другомъ отношеніи съ министерскими распоряженіями: на инспектора тогда смотрятъ, какъ на неисправнаго чиновника. Михаилъ Васильевичъ, какъ открытый честный и миролюбивый человѣкъ, положительно не выносилъ подобныхъ разногласій; правда, его миролюбіе дѣйствовало умиротворяюще на всѣхъ, и въ теченіе всей его инспекторской службы и въ Пешехонѣ и въ Мологѣ не было у него рѣзкихъ разногласій съ земствомъ но кое-какія незначительныя разномыслія все же были, и доставляли ему невыразимыя мученія: они положительно укладывали его въ постель.

При указанныхъ тяжелыхъ сторонахъ своей инспекторской службы, Михаилъ Васильевичъ однако успѣвалъ ничего не опу-

ститъ, всѣмъ во время помочъ, всѣхъ ободрить, поддержать, умиротворить. По этому, несмотря на свое боевое положеніе, онъ пользовался расположеніемъ всѣхъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе, и въ глазахъ всѣхъ былъ честнѣйшимъ прямодушнѣйшимъ и добрѣйшимъ человекомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Васильевичъ Петровскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

(Продолженіе):

Тяжелая и физически, и морально непрерывная и безпкойная работа Михаила Васильевича не прошла даромъ для него. Несмотря на свое богатырское сложеніе, онъ сталъ чувствовать утомленіе; въ разговорахъ съ близкими людьми онъ нерѣдко жаловался на тяжесть службы и мечталъ о болѣе ровной дѣятельности преподавателя, послѣ выслуги инспекторской пенсіи. Лѣтомъ 1915 г., не дожидаясь выслуги пенсіи, до которой ему оставался одинъ годъ службы, онъ хотѣлъ хлопотать о переводѣ его на должность преподавателя какого-нибудь средняго учебнаго заведенія. Это несомнѣнно, были признаки его сильнаго переутомленія и проявленія его внутренней болѣзни. Вѣроятно,

онъ самъ сознавалъ эту болѣзнь, но для сторонняго глаза, даже для близкихъ людей—она была незамѣтна: никто не подозрѣвалъ внутренняго недуга покойнаго: онъ для всѣхъ казался вполне бодрымъ и сильнымъ». 8-го 9-го августа онъ былъ въ Ярославлѣ въ домѣ своего родителя и хотя жаловался на сильную усталость, но не проявлялъ никакой болѣзненности и, раставаясь съ родными и знакомыми, общался прѣхать въ Ярославль 27 августа на сѣздѣ инспекторовъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи. 22 августа онъ жаловался на усталость и, заканчивая свои канцелярскія дѣла, вечеромъ чувствовалъ тревогу. Ночь однако спалъ. 23 августа утромъ почувствовалъ боль въ головѣ, въ груди и въ лѣвомъ боку. Но, и при такомъ состояніи онъ не оставилъ дѣлъ: вмѣстѣ съ письмоводителемъ онъ закончилъ нѣкоторыя бумаги, запечаталъ въ конверты и отправилъ съ прислугой на почту, а самъ, чувствуя упадокъ силъ, въ 8 часовъ утра прилегъ на постель отдохнуть—и уже больше не вставалъ. Слабая дѣятельность сердца, раньше наблюдавшаяся у труженика, ускорила роковой исходъ: въ 10-мъ часу утра жизнь его погасла. Родственниковъ при немъ не было, онъ былъ холостъ и жилъ только съ одной прислугой.

Вѣсть о событіи сколько нежданномъ, столько же и скорбномъ сразу разнеслась по городу, и тогда отправлена была печальная телеграмма въ Ярославль, Вскорѣ послѣ кончины стали собираться въ квартиру почитателя покойнаго, чтобы поклониться тѣлу его и помолиться о упокоеніи души его на панихидахъ, совершаемыхъ соборнымъ Мологскимъ духовенствомъ и причтомъ Мологскаго женскаго монастыря. 25 числа въ 5-ть часовъ утра при многочисленномъ собраніи жетелей г. Мологи и всѣхъ учащихъ и учащихся въ школахъ, по совершеніи панихиды, тело усопшаго, съ разрѣшенія главноначальствующаго Ярославской губерніи, въ свинцовомъ гробѣ, перенесено на пароходную пристань, поставлено было въ нарочито приготовленный ящикъ и на пароходѣ перевезено въ Ярославль. Въ 5-ть часовъ вечера въ Ярославлѣ на берегу рѣки Волги гробъ съ почившимъ былъ встрѣченъ духовенствомъ Духовской церкви женскаго училища и по совершеніи заупокойной литіи въ присутствіи начальствующихъ лицъ училища, воспитанницъ, поставленъ на траурный катафалкъ и перевезенъ за рѣку Которосль въ Николо-Троинскую церковь.

27 августа заупокойную литургію и отпѣваніе усопшаго совершилъ Преосвященный Корнилій, Епископъ Рыбинскій, въ сослуженіи кафедральнаго отца прпотоіерея Аристарха Сестренцевича, Ярославской Предтечевской церкви отца протоіерея Фе-

одора Успенскаго, Ярославской Духовской церкви, что при женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства, отца протоіерея Сергія Лилеева, Ярославской Богородице-Рождественской церкви священника Василя Воскресенскаго, Воскресенской города Романова церкви священника Михаила Вѣлороссова и церкви Ромавовскаго Воскресенскаго собора священника Василя Поройкова. Въ отпѣваніи усопшаго принимали участіе причты закоростныхъ церквей города Ярославля. Канонъ и отпѣваніе читанъ былъ сначала Преосвященнымъ Корниліемъ, а затѣмъ протоіереями и священниками. Предъ послѣднимъ цѣлованіемъ, стоя у гроба, отецъ протоіерей Θεодоръ Успенскій сказалъ слѣдующую назидательную рѣчь.

Когда мы здѣсь у гроба дорогого новопреставленнаго Михаила Васильевича скорбимъ и молимся, много, много слезъ льется по всей землѣ нашей о множествѣ новопреставленныхъ воиновъ. Тамъ, гдѣ они, наши доблестные воины, бьются съ врагами отечества, многіе изъ нихъ тамъ и умираютъ за вѣру, Царя и Отечество. Но пасть жертвою долга, отдать жизнь свою на служеніе родинѣ можно не только среди огня сраженій, но и вдали отъ поля битвъ. Среди мирнаго населенія, въ мирныхъ городахъ трудился Михаилъ Васильевичъ на нивѣ науки и народнаго просвѣщенія. Богаты были его природныя дарованія, богатый запасъ научныхъ знаній еще въ юности онъ пріобрѣлъ для жизни, крѣпки были его душевныя и тѣлесныя силы. Но любовь къ дѣлу, рвеніе къ служенію наукѣ и народному просвѣщенію надломили и эти крѣпкія силы. Доброе сердце заставляло работать голову и руки до изнеможенія. И вотъ онъ не съ мечемъ, а съ перомъ въ рукахъ палъ на служеніе родинѣ. Героями мы называемъ тѣхъ, которые, не страшась смерти, идутъ служить за вѣру, Царя и Отечество. Доблестна козака и героевъ мирнаго, но неуспянаго труда, труда до смерти. Возблагодаримъ Господа, давшаго намъ въ усопшемъ труженика, духомъ горѣвшаго, добру до смерти работавшаго.

Придите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряще Бога и умоляя, да воздастъ Онъ ему вѣнецъ нетлѣнныя.

Въ концѣ отпѣванія Владыка Корнилій почтилъ усопшаго своею теплою назидательною рѣчью.
